

УДК 1(091)

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ И МЕТАИСТОРИЯ В ФИЛОСОФИИ Х. УАЙТА¹

В.П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Как представитель новой интеллектуальной истории, Х. Уайт рассматривает проблемы повествования в истории, связи языка с исторической репрезентацией. Показано, что на формирование его концепции оказали влияние как воззрения И. Канта, так и постклассическая философия. Поскольку основной интерес Х. Уайта связан с пониманием истории как текста, проблемой повествования, то наиболее очевидно родство его построений с таким вариантом постклассической мысли, как нарративная аналитическая философия истории, что одновременно не исключает также постпозитивистских, структуралистских и постструктуралистских элементов влияния на его концепцию.

Ключевые слова: историческое повествование, репрезентация, метаистория, аналитическая философия, постпозитивизм, структурализм, постструктурализм.

Развитие истории как научной дисциплины в XX – XXI вв. связано с поиском новых мировоззренческих и методологических оснований исследовательской практики постижения минувшего. Историзм как тренд философии второй половины XIX – XX в. пережил определенный кризис в осмыслении прошлого, связанный с отходом от концепции истории как целостности, наделенной определенным смыслом, законов поступательного развития, возможности определенности настоящего прошлым или будущим. В ходе рефлексии относительно различных катализмов, пережитых мировым сообществом в этот период, обостряется историческое осознание, что стимулирует попытки объяснить и осмыслить исторический процесс в настоящем.

Подобное состояние способствовало развитию методологических дискуссий, поиску стратегий объяснения исторических событий. В 1970-е гг. в границах лингвистического поворота стала формироваться «новая интеллектуальная история». Предметом данного направления являются тексты, отражающие элитную, интеллектуальную и историографическую мысль определенной эпохи. «Новая интеллектуальная история» особое внимание отводит дискурсивной практике историка, способам построения и выражения его мысли, которые интерпретируются как нарратив [4, с. 37–38].

¹ Автор – лауреат первой премии в номинации «Философия» Международного интеллектуального конкурса студентов и аспирантов «Discovery Science – 2016», присужденной на основании публикуемой статьи.

Одним из представителей данного направления является Хейден Уайт. Интересы Х. Уайта как историка и философа истории сложились под влиянием У. Боссенбрука – преподавателя университета Уэйна, где учился Х. Уайт, Л. Бека из университета Рочестера в Нью-Йорке, где некоторое время работал Уайт, и Л. Минка. Х. Уайт использовал прием Боссенбрука – интерпретировать и одновременно давать унифицированный образ исторического объекта. Уайт разделял многие идеи Л. Бека, считая себя кантианцем в вопросах исследования истории и культуры. Поворот Х. Уайта к исследованию нарратива был инспирирован Л. Минком [1].

Х. Уайт отмечает, что является модернистом, т. к. именно «модернизм породил травматический опыт» и традиционалистом, поскольку в настоящее время модернизм является традицией, структуралистом и формалистом [23]. Вместе с тем, несмотря на данную самоидентификацию, работы Х. Уайта часто содержат противоречия, поэтому актуальной представляется проблема анализа методологической ориентации философа.

Хотя Х. Уайт соглашался с главными целями лингвистического поворота, он отрицал отнесение его работ к данному направлению, предпочитая рассматривать их как дискурсивный поворот. Он отмечал в одном из интервью: «...то, что я делаю – это восприятие истории как набора дискурсов, создающих собственный объект исследования процессов, признаваемых как укорененные в языке и являющихся более риторическими, чем грамматическими» [13]. Историк по образованию, Х. Уайт обращается к проблеме создания истории, поскольку написание истории и причины изучения прошлого более привлекали его внимание, нежели само изучение прошлого. До Х. Уайта историописание ограничивалось перечислением великих историков прошлого и кратким изложением их репрезентаций, при этом исторические тексты никогда не были проанализированы на лингвистическом уровне.

Как отмечает Д. Гарлан, Х. Уайт развивал строго формалистическую модель исторического воображения, рассматривая исторические точки зрения как акты воображения, которое структурируется и управляется посредством модели мыслительных категорий, которые одновременно являются априорными и универсальными [14]. Х. Уайта также оценивался как марксист, радикальный релятивист и человек, убежденный в «чистой лингвистической или логической необходимости» [25].

С точки зрения Д. Карра, Х. Уайта необходимо рассматривать не только как теоретика, существенно изменившего подход к эпистемологии истории, но и как ученого, чьи работы, как и исследования К. Поппера, являются реакцией на философию истории XIX в. Практический аспект исследуемых Х. Уайтом нарративов основывается на их описательном, нежели предписывающем характере [11].

Х. Келлнер указывает на гуманизм философа, относя Уайта к философам реформаторам, таким, как Вико и Ницше [15, р. 6]. Э. Доманска,

следуя за Х. Келлнером, акцентирует внимание на антропоцентричности философа и постоянных поисках человеческой свободы выбора. Х. Уайт принадлежит к «ответственным релятивистам», т. е. людям с очень сильными фундаментальными морально-этическими установками, осведомленным о сложностях сохранения ценностей и принципов в ситуациях необходимого выбора [10]. Вместе с тем К. Гинзбург убежден в сомнительности исторического релятивизма Х. Уайта, сформированного под влиянием Б. Кроче и Д. Джентиле, который неизбежно приведет фашизму [3, с. 517]. Х. Уайт отрицал эти замечания, поскольку предлагаемый им культурный релятивизм подразумевает множество этических и политических позиций, ведущих к попыткам понять Другого, а не к нетолерантности, ксенофобии или фашизму.

Как отмечает Д. ЛаКапра, Х. Уайт прибежал к литературному критицизму и познавательному релятивизму, рассматривая проблемы историографии и настаивая на важности исследования проблем языка, риторики и теоретической саморефлексии в процессе написания истории [19].

Д. Мозес характеризует Х. Уайта, с одной стороны, как сбившегося с пути историка, говорящего о невозможности защищать историческую целостность, с другой стороны, как одностороннего формалиста, чей анализ исторической риторики является интеллектуально стерильным [22].

Как отмечал Ф. Анкерсмит, и с этим трудно не согласится, Х. Уайт не всегда должным образом отстаивал свои взгляды и объяснял дефиниции используемых терминов и понятий. Например, особо подчеркивая вымышленный (художественный) компонент тропологии, он сознательно использовал неоднозначность слова «художественный», так как оно может относиться как к тому, что «создано» разумом, так и использоваться в литературном смысле. Тем самым Х. Уайт сам обеспечил своих противников «боеприпасами», которые они часто и достаточно эффективно используют против него [6].

Х. Уайта интересует прошлое как проблема: «...наверно, главным образом потому, что у меня самого прошлого нет, т. е. я так и не нашел никакого наследства или достояния, завещанного мне поколениями предков». С его точки зрения, «идея истории» должна оставаться незаконченной, открытой и фрагментарной. Цель исторических исследований заключается в выявлении специфических особенностей изучаемой вещи, а не абстрактных свойств, позволяющих включить ее в состав класса явлений [2]. Цель исторического исследования состоит в реконструкции прошлого, которая может быть достигнута на основе двойного конструирования: настоящего, от которого идет запрос, и прошлого, выступающего как возможный объект исследования [28].

Х. Уайт, как и А. Данто, рассматривает «факт» как «событие в процессе описания», т. е. как лингвистический или дискурсивный вымысел. Проводя дефиницию исторического факта и исторического события, Уайт под историческим фактом понимает концептуальное кон-

струирование в мысли и фигуративное в воображении того, что произошло. Исторический факт существует только в мысли, языке или дискурсе. Событие – это то, что произошло в реальности и было отражено в документальных источниках. Факты конструируются, а события происходят [5, с. 10–11]. Все исторические факты являются событиями, но не все исторические события являются историческими фактами [34]. Однако Х. Уайт не говорит о том, что события могут существовать исключительно лингвистически, отмечая, что исторические факты создаются на основе документов, если быть точными, они не приходят как данные или представленные как факты в документальной записи [26].

Х. Уайт соглашается с Н. Фраем относительно того, что история является вербальной моделью последовательности событий, внешней по отношению к разуму историка. Исторические структуры и процессы отличаются от своих оригиналов, так как человек не может увидеть прошлую реальность, чтобы понять, адекватно ли историк ее репрезентировал [36]. Во-первых, Х. Уайт рассматривает историю как конструкт, созданный на Западе, в то время как другие культуры соотносили свое прошлое способами, отличающимися от данной модели исторического пути [34]. Во-вторых, философ говорит о сконструированном характере модели исторического процесса. Разные историки подчёркивают различные аспекты одного и того же исторического поля, одного и того же набора событий, потому что они действительно видят разные объекты в этом поле, условно группируя их в разные классы и виды исторического опыта, рассматривая взаимоотношения между ними в различных терминах в соответствии со структурой повествования [5, с. 317–318]. Историк может рассказать различные типы историй об одном и том же наборе событий без каких-либо нарушений критериев истинности на уровне репрезентации фактов [32, р. 74]. Следовательно, стоит согласиться с Д. ЛаКапрой, отмечающим, что Х. Уайт обращает внимание на сконструированную природу исторических повествований, содержание которых скорее изобретается, чем обнаруживается [19].

Прошлое с точки зрения настоящего является местом фантазирования, беспокойства, надежды, сожаления. Поскольку прошлое доступно только в непрямом и фрагментарном виде, в создаваемой репрезентации исследователь «восполняет» его посредством воображения, выявляя причины и мотивы, которых недостает в исторических данных. «Историки, конечно, могут вдохновляться мечтой об истинной и законченной картине прошлого и по мере сил создавать ее. Она всегда остается идеалом, а не реальностью» [2]. С точки зрения Х. Уайта, не существует нерелятивистских интерпретаций исторической реальности, так как каждая из них опосредована видом языка, посредством которого историк предлагает свое оригинальное описание исторического поля, приоритетное к любому предлагаемому анализу, объяснению или интер-

претации [29]. Тем самым интерпретации признаются равными, релятивистскими, но ограниченными языком.

Историческое прошлое создает своего рода пространство, в котором осуществляется взаимодействие. Если поколение не может найти какие-либо «формы и образы», адекватные потребностям и желаниям в моделях, которые предлагает существующая культура, то оно отвернется от своей исторической культуры, чтобы создать другую, выбрав иное прошлое. Этот «процесс ретроспективного конструирования предков» является тем, в чем проявляется историческое сознание». Конструируя прошлое, мы утверждаем нашу свободу; «стремясь обнаружить обоснование для нее в нашем прошлом, мы обнажаем себя перед свободой, которая позволила нам стать тем, кто мы есть» [19]. Подобные утверждения вызвали неприятие. Так, например, П. Загорин критиковал Уайта за отбрасывание концепта реальности и познаваемости прошлого. Однако не стоит говорить о том, что Х. Уайт отрицает рациональность исторического исследования, поскольку конструирование репрезентации в соответствии с логикой тропов является проявлением рационального сознания.

Обращаясь к проблеме различия между реальным и воображаемым, Х. Уайт отмечает, что любое прошлое, состоящее из более не воспринимаемых событий, процессов, структур, может быть репрезентировано в дискурсе посредством воображения [27, р. 3]. Стоит согласиться с К. Бэлл, отмечающей, что историческое воображение, как оно представлено у Х. Уайта, перекликается с априорными принципами, являющимися фундаментальными условиями опыта и познания [9].

Г. Иггерс утверждает, что, несмотря на роль воображения в конструировании научных точек зрения, они не являются преимущественно воображаемыми, так как предполагают проведение исследования, использование методов и выводов, которые выступают в качестве предмета анализа в ученом сообществе. Х. Уайт не отрицает этого, однако с его точки зрения (следующей за Р. Дж. Коллингвудом), роль воображения первична в конструировании интерпретации, какими бы сложными не было исследование и его методы [26, р. 400].

Для представления того, «что действительно случилось в прошлом», историк сначала должен префигурировать как возможный объект знания весь набор событий, запечатленных в документах. Префигуративный акт – это акт поэтический, поскольку он докогнитивен, не критичен и является конститутивным элементом структуры, отображаемой в словесной модели, предлагаемой историком как репрезентация и объяснение того, «что действительно случилось» в прошлом. В подобном поэтическом акте историк создаёт собственный объект анализа и предопределяет модальность используемой концептуальной стратегии [5, с. 51]. Как полагает Д. Мозес, концепция префигурации Х. Уайта является политической, так как она призвана возродить утопический интерес к социальным трансформациям [9]. Однако, как кажется, префигу-

рацию можно охарактеризовать как морально-этический акт, поскольку воображаемое конструирование какого-либо явления как объекта исследования неизбежно основывается на морально-этических предпочтениях автора. В то же время Х. Уайт практически не рассматривает сущность исторической реальности. Он полагает, что историческое поле приобретает смысл, когда историк его префигурирует, т. е. создает его в своем воображении. Следовательно, префигурация в первую очередь является актом воображения.

Х. Уайт отмечает, что репрезентации историков являются «литературными» (поэтическими и «риторическими»), т. е. отличными от научного дискурса [5, с. 32]. С точки зрения философа, история не является и никогда не будет являться наукой. Как справедливо отмечает Ф. Анкерсмит, воображаемый характер исторического сочинения и сходство исторического сочинения и художественного произведения определенно снижают когнитивистские подходы к историческому сочинению [7]. Х. Уайт также говорил и о проблеме различий между историей и художественной литературой. Их следует рассматривать в терминах различия между исследованием, направленным на создание истины, и исследованием, созданным для того, чтобы обеспечить доступ к реальному. Историческое исследование не обусловлено проблемой реальности прошлого, так как она является данностью и обеспечивает возможность исторического исследования [30, р. 148]. Вместе с тем стоит отметить, что Х. Уайт не обращает внимания на то, что художественное произведение в первую очередь направлено на публику, и предлагает некий художественный образ мира, не являясь при этом попыткой познания прошлого. Литературное произведение вымышлено, в то время как историческое сочинение основывается, пусть и опосредовано, на исторических событиях.

Проблема метаисторического базиса исторических работ рассматривается в основном в «Метаистории» – «одной из великих работ, оказавших большое влияние на развитие философии истории и стимулировавших развития дискуссий относительно проблем, которые она поднимает» [10]. «Метаистория» стремится поддерживать тип истории, близкий ницшеанскому, она связана с «человеком, включенным в великую борьбу и нуждающимся в примерах и учителях, которые он не способен найти среди его современников в настоящее время» [24]. Для Х. Уайта, как и для Б. Кроче, историческое исследование всегда связано с моральными убеждениями. Испытывая определенное влияние Р. Дж. Коллингвуда, Х. Уайт отмечает, что выбор изучаемого и методологии исследования позволяют говорить о том, каким является человек.

Следует согласиться с точкой зрения Х. Келлнера, признающего, что «Метаистория» – это моральный текст, провозглашающий свободу морального выбора перед лицом детерминизма нашего времени [15, р. 29]. Х. Келлнер также отмечает, что «первичность индивидуальной воли» у Х. Уайта является единственным фундаментализмом, который содержит

«Метаистория» и который приводит Уайта к опровержению возможности надындивидуальных стандартов репрезентации реальности. Х. Келлнер относит Ф. Ницше и Х. Уайта метафорически к одной традиции гуманизма, представленного Л. Валла и характеризующегося сведением логики к риторике. Фундамент логики, принцип непротиворечия полностью сводятся метафорической риторикой Ф. Ницше к человеческому неврологическому ответу. Тем самым Ф. Ницше атакует логику как критерий истины, осуществляя при этом тропологическую деконструкцию [ibid, p. 23–24].

Х. Уайт рассматривает ключевые фигуры XIX в. в рамках воззрений И. Канта как по-разному «ограничивающие» возвышенное, ассоциируя его с иррациональностью, потрясениями и террором, при этом отдавая привилегированное положение прекрасному как проявлению рациональности. Вместе с тем в исследовании исторической интерпретации Х. Уайт присоединяется к Ж.Ф. Лиотару, отдавая предпочтение потенциальной открытости и незавершенности возвышенного как последствия столкновения с хаосом, бессмысленностью истории и как противовес позитивистско-капиталистской эпистемологической иерархии [10]. Как отмечает Х. Келлнер, дискурс возвышенного у Х. Уайта является активным риторическим средством. Возвышенное помогает нам освободиться от настоящего, но не посредством прошлого, а через ожидания будущего, которые не могут быть предсказаны [16].

А. Мегилл считает, что «Метаистория» является одним из наиболее полных анализов исторической риторики и определяет подход Уайта как риторическо-диалектический. А. Мегилл отмечает, что когнитивная истина не является определяющей в диалектике, так как диалектика выражает свое отношение к истине в моральном и эстетическом смыслах [20]. Х. Келлнер, продолжая аргументацию А. Мегилла о диалектическом характере, указывает, что позднее риторическая диалектика становится типом интеллектуального объяснения Уайта [18]. М.А. Кукарцева также характеризует подход Уайта к исследованию исторических объектов как риторико-спекулятивный, сочетающий выявление и интерпретацию природы исторического объекта [1].

Как отмечает Р. Доран, основной целью «Метаистории» является ее перфомативная природа сама по себе; вторая цель заключается в демонстрации структурирующей роли тропов в историческом дискурсе и единстве истории и философии истории на глубинном уровне [13]. Х. Келлнер выделяет другие основные темы: первая выражается в интересе к культурной политике, то есть к тому, каким образом традиция ограничивает обсуждения, которые делает возможными. Второй темой является выраженный интерес к проблеме человеческого выбора [15, p. 4–5]. Д. Мозес отмечает, что цель Х. Уайта состоит в том, чтобы продемонстрировать непреодолимый идеологический или метаисторический компонент в каждой исторической интерпретации и сформировать утопическую субъективность у его читателей [22].

Х. Уайт анализировал метаисторический тип мышления, который может способствовать творческому взаимодействию между рациональными и воображаемыми измерениями человеческой мысли, и стремился обеспечить анализ глубинных структур исторического воображения. И как Д. Нельсон и другие отмечали, Уайт не совсем выполнил эту задачу. Несмотря на это «Метаистория» остаётся одной из важнейших работ, поскольку она учит тому, что понимание сказанного в историческом источнике и в историческом произведении возможно только при понимании того, как это сказано [21, р. 224].

В «Метаистории» Х. Уайт стремится концептуализировать поэтику исторического сочинения, нежели философию истории. Поэтика, указывающая на художественный аспект исторического сочинения, рассматривается как определенный постоянный способ языкового использования, посредством которого объект исследования трансформируется в субъект дискурса. Как отмечает Е.Г. Трубина, слово «поэтический», использованное Х. Уайтом для подчеркивания литературного характера работы историка, понимается им через призму первоначального смысла слова *poiesis* (создание, сотворение или изготовление). По словам Х. Уайта, литературность истории есть парадигма, которая функционирует как метаисторический элемент во всех исторических работах. Повествование есть процесс *пойэсиса*, т. е. создания истории как следа существования во времени. Следовательно, метаистория в его понимании представлена поэтикой исторического текста, риторическим анализом исторического письма, теорией историографического стиля [3, с. 509].

Современный дискурс исторической науки во многом обусловлен кризисом историцизма, связанным с осознанием невозможности выбора между различными интерпретациями исторического процесса и развитием иронии, обуславливающей «теоретическую апатию лучших представителей современной академической историографии» и «восстание против исторического сознания вообще, которым отмечены литература, социальная наука и философия XX века». «Метаистория» также написана в ироническом ключе, однако данная ирония является сознательной и «поэтому представляет собой поворот Иронического сознания против самой Иронии» [5, с. 21]. Х. Уайт отмечает, что традиционное деление на историю и историцизм, по сути, бесполезно. Каждая историческая репрезентация содержит элементы того, что общепринятая теория называет историцизмом. Историк придает форму материалу если не в соответствии с тем, что К. Поппер называл и критиковал как концептуальный каркас, то в соответствии с необходимыми риторическими элементами дискурса. Сам по себе язык, который историк использует для того, чтобы описать объект исследования еще до каких-либо попыток интерпретации, накладывает на объекты изучения искажения, аналогичные более явным историцистским [29].

При анализе исторических интерпретаций как вербальных структур Х. Уайт предлагает использовать тропологию, рассматриваемую как теория преобразования (*figuration*) и дискурсивного построения сюжета, с помощью которых историки придают событиям статус факта и наделяют их смыслом [5, с. 7]. Тропология представляет собой теоретическое объяснение вымышленного дискурса и способов, посредством которых различные тропы (метафора, метонимия, синекдоха и ирония) создают образы и связи между ними посредством воображения. Ф. Анкерсмит, сравнивая И. Канта и Х. Уайта, отмечает, что тропология является тем, что транслирует сознание в прошлую реальность, но при этом оно не является частью этой реальности само по себе. Современники И. Канта довольно быстро оценили революционные последствия трансцендентализма, в то время как современники Х. Уайта или упорно придерживались догматического эмпиризма, или принимали тропологию без понимания, каким образом она может преуспеть в согласовании требований эмпиризма с трансцендентальной исторической причинностью [6].

Х. Уайт, следуя за Дж. Вико, выделяет четыре основных тропа: Метафору, Метонимию, Синекдоху и Иронию. Данные тропы «обеспечивают характеристику объектов в различных типах непрямого, или фигуративного, дискурса». Х. Уайт отмечает, что тропы функционируют не только как фигуры речи, но и как фигуры мысли и выступают как идентичные или аналогичные когнитивным формам сознания. Ирония, Метонимия и Синекдоха – это типы Метафоры, отличающиеся друг от друга по типу редуций или интеграций, которые они обуславливают на буквальном уровне своего значения и по типу прояснений, для которых они предназначены на фигуративном уровне. Метафора репрезентативна, Метонимия редуционистична, Синекдоха интегративна, Ирония негативна [5, с. 52].

Х. Уайт признает диалектический характер Иронии, поскольку цель Иронического утверждения состоит в неявном утверждении отрицания того, что на буквальном уровне утверждалось позитивно или наоборот. Так, выражение «он весь — сердце» становится Ироническим, когда произносится особым тоном либо в таком контексте, где подразумеваемая персона явно не обладает качествами, которыми её наделяют. Х. Уайт отмечает, что ирония является метатропом, поскольку она используется с осознанием возможного неправильного употребления фигуративного языка [там же, с. 56–57].

Ф. Анкерсмит обращается к проблеме когнитивных возможностей тропов в разработке отношений между историческим дискурсом и исторической реальностью и приходит к выводу, что только Синекдоха и Метафора могут конструировать специфические когнитивные связи с исторической реальностью или исторической истиной [7]. Вместе с тем одной из особенностей подхода Х. Уайта является то, что он практически не разрабатывал проблемы исторической истины и когнитивистские

аспекты исследования, следовательно, проблема когнитивистской ценности тропов является спорной.

Р. Доран выявляет параллели между утверждением И. Канта (интуиция и концепты конструируют основания знания) и высказыванием Х. Уайта о том, что тропы выстраивают дискурсивно всю сформированную мысль. Тропы создают чувство исторической реальности, выступая как прообразы в семантическом поле, в котором они неизбежно реализуются. Следовательно, данная функция тропов аналогична критике чистого разума, так как она «набрасывает» условия возможности исторического письма (тропологические по сути), для того чтобы оценить единство исторического знания [9].

Х. Келлнер, в свою очередь, обнаруживает сходства между 4 тропами Х. Уайта и четыре категории рассудка И. Канта [16]. Сопоставляя категории рассудка И. Канта и тропологию Х. Уайта, Ф. Анкерсмит отмечает, что категории рассудка являются условным знанием о мире и не функционируют как альтернативы, в то время как Уайтовские тропы и типы сюжеты являются вариативными, следовательно, нельзя рассматривать их как идентичные [12]. Поиск более глубинного уровня приводит к идее префигурации, предшествующей всему, что историк хочет сказать о прошлом, и являющейся трансцендентальным условием возможности исторического познания. Префигурация является двойником трансцендентальной эстетики и аналитики И. Канта. Провозглашая Х. Уайта трансцендентальным нарративистом, Ф. Анкерсмит отмечает, что префигурация не является вариативной, а выступает как трансцендентальное условие возможности исторического знания [6]. Хотя префигурация является специфической комбинацией компонентов тропологической сетки, по которой историк определяет природу исторического поля, она не определяет того, что историк хочет действительно сказать о прошлом, поэтому идентификация префигурации и категорий рассудка не является неоспоримой.

Х. Уайт согласен с П. де Маном, который рассматривает риторику как теорию тропов и как один из способов наделения фактов значением. Значения создаются посредством репрезентаций в языке, которое стоит рассматривать как соединения слов, выражающееся в образах, фигурах и знаках, а не как содержащееся в вещах и словах. Отмечая прагматический характер риторики, Х. Уайт, под влиянием ситуационной логики К. Поппера, призывает к развитию ситуационного мышления, т. к. «истина всегда абстрактна. Вы можете рассмотреть все типы истинностной информации, но они не помогут вам в какой-либо ситуации. Каждая ситуация требует определенный тип подходящего знания» [23]. История не обеспечивает человечество какими-либо ответами, но она дает практику ситуационного мышления, так как демонстрирует различные типы ситуаций, ограниченных во времени и пространстве. Следовательно, история учит мыслить ситуационно [ibid].

С точки зрения Х. Уайта, исторические объяснения всегда основываются на различных метаисторических предпосылках природы исторического поля, которые порождают различные представления о типе объяснения, используемого в историческом анализе [5, с. 33]. Профессиональная историография предполагает использование собственного метаязыка для характеристики репрезентацией объектов исследования как определенного типа. Отвечая на критику Г. Иггерса, отрицающего «Метаисторию» из-за наличия определенного типа мета-языка, использованного для характеристики репрезентаций историков, Уайт отмечает, что историографические дебаты часто сосредоточены вокруг вопросов о классификации феноменов и типов объяснения, но критический подход к истории исторического письма должен разграничивать феномены прошлого с одной стороны, и репрезентации этих феноменов в историческом повествовании – с другой [26, р. 396].

Истории включают в себя глубинное структурное содержание, поэтическое и лингвистическое по своей природе, выступающее «в качестве некритически принимаемой парадигмы того, чем должно быть именно «историческое» объяснение». Это является метаисторической парадигмой, функционирующей во всех исторических работах [5, с. 17].

Метаистория задает следующие вопросы в духе: Какова структура этого типа исторического сознания? Каков эпистемологический статус исторических объяснений, сопоставляемый с другими типами объяснений, которые могут быть предложены относительно используемых историком данных? Каковы возможные формы исторической репрезентации и какова ее основа? [36, р. 81]. С того момента как события истории зафиксированы, приведены в исследованиях, свобода создателя истории состоит в возможности выбора, который он осуществляет в культурно одобряемых сюжетных типах, посредством которых различные события наделяются фигуративным значением [32, р. 74].

Х. Уайт отмечает, что различие между историей и метаисторией скорее неясно. «Более того, мне следует отметить, что не существует собственно истории без метаисторических предпосылок, посредством которых объясняются некоторые интерпретативные стратегии, необходимые для репрезентации определённого фрагмента исторического процесса» [36, р. 52]. Метаистория является синонимом спекулятивной философии истории. В исторической теории, как полагают, объяснение противостоит интерпретации, т. к. оно является видимым элементом каждой правильной истории. В метаистории, наоборот, объяснительные и интерпретативные элементы повествования связаны и смешаны таким образом, чтобы растворить их либо в репрезентации того, что случилось, либо в объяснении, почему случилось именно так [ibid, р. 52–53].

На метаисторическом уровне история и спекулятивная философия истории обнаруживают общие истоки в любой попытке понять смысл истории в целом. Следовательно, они различимы в средствах вы-

ражения, но не в содержании. В истории конструкция вытесняется во внутреннее повествование, а «полученные» данные занимают привилегированное положение в самой истории. В спекулятивной философии (метаистории) на первый план выносятся концептуальная конструкция, которая систематически обосновывается посредством данных, используемых прежде всего для иллюстрации или примера. Следовательно, каждая философия истории содержит внутри себя элементы собственно истории, так же как каждая собственно история содержит внутри себя элементы вполне сформировавшейся философии истории. Философ истории стремится не только понять, что случилось в истории, но также определить критерий, посредством которого он может знать, что понимает её смысл. «На мой взгляд, совершенно не случайно, что выдающиеся философы истории XIX века были, за исключением, возможно, Маркса, философами языка в наиболее глубоком смысле. Не случайно, что Гегель, Ницше и Кроче были диалектиками» [5, с. 492–493]. Диалектика представляет собой формализацию проникновения в тропологическую природу форм дискурса, которые предназначены не только для артикуляции мировоззрения внутри ограниченной модальности словоупотребления [там же, с. 492–493].

Х. Уайт полагает, что не существует теории истории, которая была бы неопровержимой для аудитории по причине адекватности её как модели объяснения данных, содержащихся в повествовании, поскольку в истории не существует способа предварительного установления того, что будет считаться «данными» и «теорией», «объясняющей» то, что эти данные «означают». В свою очередь, не существует никакого соглашения по поводу того, что будет считаться собственно «историческими» данными. Решение этой проблемы требует метатеории, которая установит на метаисторическом уровне различие между «природными» и «историческими» явлениями [там же, с. 494–495].

Рассматривая метаисторический уровень, Х. Уайт отмечает, что он не состоит из теоретических понятий, явно используемых историками, так как они сравнительно легко идентифицируются на «поверхности текста». Вместо этого Х. Уайт предлагает различие трех типов стратегий, которые могут применяться историками для получения различного рода «эффекта объяснения»: объяснение посредством формального доказательства (formal argument), объяснением посредством построения сюжета (emplotment) и объяснением посредством идеологического подтекста (ideological implication) [36, p. 72]. Под объяснением посредством построения сюжета Х. Уайт понимает придание «смысла» истории на основе установления типа истории, в рамках которого последовательность событий раскрывается как история определённого типа. Уайт, следуя за Н. Фраем, выделяет четыре типа построения сюжета: Роман, Трагедия, Комедия и Сатира [5, с. 27]. Используя анализ С. Пеппера, Уайт выделяет четыре парадигмы формы, которые может принимать

историческое объяснение, рассматриваемое как дискурсивное доказательство: Формистскую, Органицистскую, Механистичную и Контекстуалистскую [там же, с. 33]. Идеология в историческом описании отражает этический элемент в позиции историка относительно природы исторического знания и выводов. Под термином «идеология» Х. Уайт подразумевает «набор предписаний для выбора социальной практики и действия в соответствии с ней». Следуя анализу К. Манхейма в «Идеологии и утопии», Х. Уайт предлагает четыре основные идеологические позиции: Анархизм, Консерватизм, Радикализм и Либерализм [там же, с. 42].

Х. Уайт рассматривает идеологию как центральную проблему интеллектуальной истории, связанную со значением, его производством, распространением в различных исторических эпохах [33, р. 190]. Идеологическое содержание специфической исторической точки зрения зависит не столько от типа дискурса, в котором оно описывается, сколько от доминирующей сюжетной структуры, выбранной для воплощения событий в признаваемом типе истории [32, р. 69] Г. Иггерс отмечает, что исторические исследования, даже наиболее научные, имеют сложности с освобождением от идеологических элементов и определенные проблемы с выходом из-под влияния национальных, этнических, гендерных интересов. Уайт, нисколько не защищая идеологический подтекст, «просит Иггерса быть осторожным относительно идеологической природы таких утверждений как зрелая индивидуальность, высокие стандарты рационального дискурса и диалога для достижения консенсуса и др.». Зрелость по-разному воспринимается в разных культурах, так же как и рациональность и консенсус [26, р. 401].

Х. Уайт полагает, что этическое измерение исторического сочинения находит отражение в типе идеологического подтекста, посредством которого объединяются эстетическое восприятие и когнитивная операция [5, с. 46]. Цитируя позднего И. Канта, Уайт отмечает, что истории следует рассматривать исключительно на основе морально-эстетической ценности, но баланс между ними достаточно трудно обнаружить [17]. Соглашаясь с точкой зрения Д. Мозеса, согласно которой «историческое» следует рассматривать как «этическое», Х. Уайт, тем не менее говорит о необходимости рассуждения о взаимодействии исторического и этического. Историческое прошлое является этическим в том смысле, что его объект (жестокость, потеря, событие, смерть) вызывает в индивидах тип двойственных чувств о нас как о другом, которые появляются в ситуациях, требующих выбора и действия. Для исследования событий данного типа необходимо рассмотреть этически богатые традиции литературного выражения [35, р. 339–340]. Признавая роль этики и морали в историческом сочинении, Х. Уайт говорит о необходимости разграничения этих понятий, традиционно связывая мораль с установленными нормами сосуществования людей, а этику как задающую принципы существования с другими (милосердие, справедливость,

самообладание и др.). Следует согласиться с Ф. Анкерсмитом, отмечаящим, что у Уайта этика занимает привилегированное положение [8] и связана с проблемой личного выбора.

Еще одним аспектом метаистории является личность автора, которая включается в дискурс как действующее лицо в процессе придания формы, так как без субъекта дискурс станет неперсонализированным [31]. Язык также может выступать как элемент метаистории. Нельзя сказать, что любой приведенный текст может самостоятельно «призывать» целый мир его происхождения или что приведенный набор событий может возродить мир во всей его полноте. Историки используют некоторую версию теории языка для трансляции значений через исторический континуум, чтобы создать смысл [33, p. 187].

Итак, как представитель новой интеллектуальной истории Х. Уайт рассматривает проблемы повествования в истории, связи языка с исторической репрезентацией. Следует отметить сочетание моментов влияния классической и постклассической философии на формирование его концепции. Находясь под определенным влиянием взглядов И. Канта, Х. Уайт выходит за ее рамки, обращаясь к философским воззрениям Ф. Ницше, теории исторического воображения Р. Дж. Коллингвуда, концепции исторического нарратива Л. Минка. Рассуждая в границах аналитической нарративистской философии истории, он отмечает лингвистическую обусловленность исторических репрезентаций. Философ сводит историческую реальность к тексту, представляя историю как вербальную повествовательную структуру, выступающую как сконструированная модель прошлой реальности. Тем самым репрезентация представляется косвенной, осуществляемой посредством повествования. Историческая репрезентация не воссоздает ранее существовавшую реальность, поэтому непосредственному конституированию предшествует префигурация – создание объекта исследования в сознании историка. Язык предлагает различные варианты конструирования и фиксации объекта, следовательно, существует возможность неограниченного количества интерпретаций и наделения значением. Любая история предусматривает метаисторию, которая является набором предпочтений и приверженностей историка, вносимых в любую интерпретацию на эстетическом и этическом уровнях. Х. Уайт в рамках нарративистского подхода отрицает научный статус истории, подчеркивая ее тесные связи с литературой и невозможность создания единого идеала ясности, логической последовательности и терминологического аппарата.

Подобное представление истории Х. Уайтом позволяет говорить об определенном родстве направленности его концепции с постпозитивизмом, структурализмом и постструктурализмом. С постпозитивизмом его связывает использование стратегии ситуационной логики (К. Поппер) и признание возможности построения исторически сменяющихся друг друга и сложно структурированных моделей историческо-

го повествования, т. е. некумулятивного развития историографии (Т. Кун). Восприятие наследия структурализма проявляется в представлении истории как структуры (особенно в рамках «Метаистории»), в сведении историографического исследования к анализу структур, возникающих в поле исторического воображения. Влияние постструктурализма выражается в интересе к риторике и сюжетным типам, связывающим определенные исторические события и значения.

Рассмотрение философии Х. Уайта лишь как продолжения линии классического теоретизирования эпохи модерна (Л. Хатчеон) или же постмодернистской философской парадигмы (А. Марвик, М.А. Кукарцева) не представляется бесспорным. Скорее можно говорить о сочетании в его сочинениях мыслительных ходов, выдержанных в духе как классической, так и постклассической (в том числе и радикально постмодернистской) мысли. На фоне поиска синтетического варианта междисциплинарного видения практики историографии (на базе материала истории, философии и литературы) в его концепции присутствует множество влияний. Поскольку основной интерес Х. Уайта связан с пониманием истории как текста, проблемами повествования и его создания, наиболее очевидно родство его построений с таким вариантом постклассической мысли, как нарративная аналитическая философия истории, основывающаяся на лингвистическом повороте, что, в целом, не исключает также постпозитивистских, структуралистских и постструктуралистских элементов влияния на его концепцию.

Список литературы

1. Кукарцева М. А. Хейден Уайт и практика исторических исследований XX века [Электронный ресурс]. URL: http://abuss.narod.ru/Biblio/kukartzeva_white.htm (дата обращения: 02.02.2016).
2. Маликова М. Интервью с Хейденом Уайтом [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strana-oz.ru/2006/2/intervyu-s-heydenom-uaytom> (дата обращения: 02.02.2016).
3. Трубина Е. Г. «Метаистория» и историки // Метаистория (Историческое воображение в Европе XIX века) / Уайт Х. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. С. 505–518.
4. Русакова О.Ф. Методологические стратегии в современных исторических исследованиях: школа «Анналов» и «новая интеллектуальная история» [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-strategii-v-sovremennyh-istoricheskikh-issledovaniyah-shkola-annalov-i-novaya-intellektualnaya-istoriya> (дата обращения: 02.04.2016).

5. Уайт Х. Метаистория (Историческое воображение в Европе XIX века). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. 528 с.
6. Ankersmit F. White's «Neo-Kantianism»: aesthetics, ethics and politics [Electronic resource] // Re-Figuring Hayden White (Cultural Memory in the Present) / edited by F. Ankersmit, E. Domanska, H. Kellner. Stanford: Stanford University press. 2009. Kindle Edition.
7. Ankersmit F.R. A plea for cognitivist approach to White's tropology [Electronic resource] // Philosophy of history after Hayden White / edited by R. Doran. L.; N.-Y.: Bloomsbury. 2013. Kindle Edition.
8. Ankersmit F.R. Discourse, an introduction [Electronic resource] // Re-Figuring Hayden White (Cultural Memory in the Present) / edited by F. Ankersmit, E. Domanska, H. Kellner. Stanford: Stanford University press. 2009. Kindle Edition.
9. Ball K. Hayden White's Hope, or the Politics of Prefiguration [Electronic resource] // Philosophy of history after Hayden White / edited by R. Doran. L.; N.-Y.: Bloomsbury. 2013. Kindle Edition.
10. Domanska E. Hayden White: beyond Irony [Electronic resource]. URL: <http://www.staff.amu.edu.pl/~ewa/Domanska-Hayden%20White-Beyond%20Irony.pdf> (accessed: 02.03.2016).
11. Domanska E. Philosophy, an introduction [Electronic resource] // Re-Figuring Hayden White (Cultural Memory in the Present) / edited by F. Ankersmit, E. Domanska, H. Kellner. Stanford: Stanford University press. 2009. Kindle Edition.
12. Domanska E. Practice, an introduction [Electronic resource] // Re-Figuring Hayden White (Cultural Memory in the Present) / edited by F. Ankersmit, E. Domanska, H. Kellner. Stanford: Stanford University press. 2009. Kindle Edition.
13. Doran R. Editor's introduction: choosing the past: Hayden White and the philosophy of history [Electronic resource] // Philosophy of History After Hayden White / edited by R. Doran. L.; N.-Y.: Bloomsbury. 2013. Kindle Edition.
14. Harlan D. «The burden of history» forty years later [Electronic resource] // Re-Figuring Hayden White (Cultural Memory in the Present) / edited by F. Ankersmit, E. Domanska, H. Kellner. Stanford: Stanford University press. 2009. Kindle Edition.
15. Kellner H. A bedrock of order: Hayden White's linguistic humanism // History and Theory. Vol. 19. № 4. pp. 1–29.

16. Kellner H. Does the Sublime price explanation out of the historical market [Electronic resource] // Re-Figuring Hayden White (Cultural Memory in the Present) / edited by F. Ankersmit, E. Domanska, H. Kellner. Stanford: Stanford University press. 2009. Kindle Edition.
17. Kellner H. Hopeful monsters or, the unfulfilled figure in Hayden White's conceptual system [Electronic resource] // Philosophy of history after Hayden White / edited by R. Doran. L.; N.-Y.: Bloomsbury. 2013. Kindle Edition.
18. Kellner H. Introduction: a distinctively human live [Electronic resource] // Re-Figuring Hayden White (Cultural Memory in the Present) / edited by F. Ankersmit, E. Domanska, H. Kellner. Stanford: Stanford University press. 2009. Kindle Edition.
19. LaCapra D. History beyond the pleasure principle [Electronic resource] // Re-Figuring Hayden White (Cultural Memory in the Present) / edited by F. Ankersmit, E. Domanska, H. Kellner. Stanford: Stanford University press. 2009. Kindle Edition.
20. Megill A. The rhetorical dialectic of Hayden White [Electronic resource] // Re-Figuring Hayden White (Cultural Memory in the Present) / edited by F. Ankersmit, E. Domanska, H. Kellner. Stanford: Stanford University press. 2009. Kindle Edition.
21. Megill A. The rhetoric of history [Electronic resource]. URL: http://www.deirdremccloskey.com/docs/pdf/Article_96.pdf (accessed: 03.03.2016).
22. Moses D. A. Hayden White, traumatic nationalism, and the public role of history [Electronic resource]. URL: http://www.dirkmoses.com/uploads/7/3/8/2/7382125/moses_hayden_white.pdf (accessed: 04.03.2016).
23. Muchowski J. I am not interested in truth. I am interested in reality. A conversation with Hayden White [Electronic resource]. URL: http://historyka.edu.pl/fileadmin/user_upload/news/Historyka_41/13_.pdf (accessed: 03.03.2016).
24. Paul H. Hayden White and the crisis of historicism [Electronic resource] // Re-Figuring Hayden White (Cultural Memory in the Present) / edited by F. Ankersmit, E. Domanska, H. Kellner. Stanford: Stanford University press. 2009. Kindle Edition.
25. Vann R. T. Hayden White, Historian [Electronic resource] // Re-Figuring Hayden White (Cultural Memory in the Present) /

- edited by F. Ankersmit, E. Domanska, H. Kellner. Stanford: Stanford University press. 2009. Kindle Edition.
26. White H. An old question raised again: is historiography art or science? [Electronic resource]. URL: http://www.culturahistorica.es/hayden_white/historiography_art_science.pdf (accessed: 03.03.2016).
 27. White H. A question of narrative in contemporary historical theory [Electronic resource]. URL: <https://www2.southeastern.edu/Academics/Faculty/jbell/white.pdf> (accessed: 03.03.2016).
 28. White H. Comment [Electronic resource] // Philosophy of history after Hayden White / edited by R. Doran. L.; N.-Y.: Bloomsbury. 2013. Kindle Edition.
 29. White H. Historicism, history and figurative imagination [Electronic resource]. URL: http://abuss.narod.ru/Biblio/eng/white_historicism.htm (accessed: 03.03.2016).
 30. White H. Introduction: Historical fiction, fictional history and historical reality [Electronic resource]. URL: <http://isites.harvard.edu/fs/docs/icb.topic591072.files/White%20on%20Historiofoty.pdf> (accessed: 04.03.2016).
 31. White H. Historical emplotment and the problem of truth // Probing the Limits of Representation. Nazism and the «Final Solution» / edited by S. Friedlander. L.; Cambridge; Mass: Harvard University Press, 1992. P. 37–53.
 32. White H. Storytelling: historical and ideological [Electronic resource]. URL: http://faculty2.ric.edu/rfeldstein/521_fall_08_files/storytellinghistoricalandideological.pdf (accessed: 07.03.2016).
 33. White H. The content of the form: narrative discourse and historical Representation. L.; Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1987. 264 p.
 34. White H. The historical event [Electronic resource]. URL: <http://differences.dukejournals.org/content/19/2/9.full.pdf> (accessed: 01.02.2016).
 35. White H. The public relevance of historical studies: a reply to Dirk Moses. // History and Theory. 2005. Volume 44. Issue 3. P. 339–347.
 36. White H. Tropics of Discourse. Essays in Cultural Criticism. L.; Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1978. 283 p.

HISTORICAL REPRESENTATION AND METAHISTORY IN H. WHITE'S PHILOSOPHY

V.P. Potamskaya

Tver State University, Tver

As a representative of a new intellectual history H. White is interested in the historical narration problem, relations of language and representation existing within its context. The article examines the influence of I. Kant's heritage, as well as post-classical philosophy impact on the formation of his theoretical views. Given the prevailing H. White's concern of with the issues of understanding history as a textually organized narration, the affinity of his legacy with the analytical philosophy of history as a phenomenon of post-classical philosophy looks most evident. Simultaneously, the traces of the influence of post-positivism, structuralism, and post-structuralism on his thought are also revealed within the article's format.

Keywords: *historical narration, representation, meta-history, analytical philosophy, post-positivism, structuralism, post-structuralism.*

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – аспирантка кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru.

Author information:

POTAMSKAYA Vera Pavlovna – Ph.D. student of Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru.